

УДК 81'23:81'25

**МОНСТРЫ ФРАНКЕНШТЕЙНА,
ИЛИ О ТОМ, ЧЕГО НЕТ В СПИСКЕ КОМПЕТЕНЦИЙ
О.В. Петрова**

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются причины непонимания студентами текста оригинала и неспособности правильно выразить мысль в переводе.

Ключевые слова: перевод, чтение, запас знаний, текст, смысл.

**Frankenstein's Monsters,
or What is Missing from the List of Competences
Olga V. Petrova**

Nizhny Novgorod State Linguistics University

The article discusses reasons why students fail to understand the original text and to express the idea correctly in translation.

Key words: translation, reading, fund of knowledge, text, sense.

Сегодня в системе образования не принято говорить о знаниях, умениях и навыках. Сегодня говорят о компетенциях. Всезнающая Википедия определяет компетенцию как «способность применять знания, умения, успешно действовать на основе практического опыта при решении задач общего рода, также в определенной широкой области». А профессиональная компетенция – это, соответственно, «способность успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний при решении профессиональных задач». В соответствии с государственными стандартами, специалисты-переводчики должны обладать пятнадцатью общекультурными компетенциями и тридцатью шестью профессиональными. Отвлечемся от странности формулировок, в соответствии с которыми у специалистов не предусмотрено ни знаний, ни умений, они должны обладать лишь способностью к ним, хотя «обладает способностью владеть» еще не значит «владеет». Стандарт требует от специалиста-переводчика очень многого – скажем, способности «составлять комплексную характеристику основным параметрам и тенденциям социального, политического, экономического и культурного развития стран изучаемых языков» (ПК-35). Интересно было бы узнать, скольким практикующим переводчикам потребовалась эта способность. Специалист-переводчик должен даже обладать «способностью к осуществлению образовательной и воспитательной деятельности (ОК-14)» и «способностью самостоятельно применять методы физического воспитания для повышения адаптационных резервов организма и укрепления здоровья, достижения должного уровня физической

подготовленности в целях обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (ОК-15)». Но почему-то нигде не сказано, что переводчик должен много читать и много знать. В списке общекультурных компетенций нет даже упоминаний об общем культурном уровне переводчика, его знакомстве с литературой и культурой стран так называемых рабочих языков. Сказано, что он должен обладать «способностью применять знания в области географии, истории, политической, экономической, социальной и культурной жизни страны изучаемого языка, а также знания о роли страны изучаемого языка в региональных и глобальных политических процессах (ПК-4)», а также «способностью использовать современные образовательные и информационные технологии для повышения уровня своей профессиональной квалификации и общей культуры, самостоятельно осуществлять поиск профессиональной информации в печатных и электронных источниках, включая электронные базы данных (ПК-5)». А как можно применять и повышать (даже с помощью современных технологий) то, чего не нет?

В числе общекультурных компетенций есть, конечно, требование обладать «способностью к логически-правильному мышлению, обобщению, анализу, критическому осмыслению информации, систематизации, прогнозированию, постановке исследовательских задач и выбору путей их решения на основании принципов научного познания (ОК-8)». Что такое «логически-правильное мышление», не очень понятно. Но вот про специфически переводческое мышление в профессиональных компетенциях нет ровным счетом ничего. Каждая вошедшая в стандарт компетенция имеет номер, и в учебных планах и программах должно быть указано, в рамках какой дисциплины и на каком этапе эта компетенция формируется. А где же, когда и как восполнять пробелы довузовского образования, проявляющиеся в отсутствии той общекультурной базы, без которой студенты ни правильно понять текст, ни, соответственно, правильно его перевести не могут? Как бы они ни владели «способностью проводить лингвистический анализ текста / дискурса на основе системных знаний современного этапа и истории развития изучаемых языков (ПК-8)» и «способностью осуществлять предпереводческий анализ письменного и устного текста, способствующий точному восприятию исходного высказывания, прогнозированию вероятного когнитивного диссонанса и несоответствий в процессе перевода и способов их преодоления (ПК-14)», если базы для понимания текста нет, то и понять его невозможно – как ни анализируй.

Показателен в этом отношении эксперимент, проведенный Е.С. Балашовой. Участникам этого эксперимента было предложено прочесть рассказ М. Зоценко «Аристократка» и ответить на несколько вопросов по его содержанию. Русскоязычные участники читали оригинал,

англоязычные – перевод на английский. Выяснилось, что в большинстве случаев одни и те же трудности с пониманием возникли как у носителей английского языка, так и у носителей русского. Необходимых фоновых знаний не оказалось практически ни у тех, ни у других (см. [1]). Почему так обстоит дело с русской культурой у американских студентов – понятно. А у наших?

Низкий общекультурный уровень напрямую связан и со способностью «логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь на русском языке», прописанной и предписанной в ОК-9. Если у человека нет того культурного багажа, который накапливается в результате чтения (причем не только интернет-ресурсов, но и обязательно книг на русском языке), у него не могут быть сформированы навыки логически верного и ясного построения речи. Он не знает узуальной сочетаемости слов, у него бедный синтаксис, что приводит к серьезным проблемам в речепорождении – особенно в порождении письменных текстов, которые в большинстве случаев более жестко нормированы, чем устная речь. Культурный уровень и характер речевой деятельности связаны неразрывно.

Прошел очередной конкурс письменного перевода, в ходе которого лучшие студенты-переводчики десятков вузов страны и ближнего зарубежья демонстрировали сформированность профессиональных компетенций. То есть, попросту говоря, переводили текст. Посмотрим, как же сформированы необходимые компетенции.

Для перевода был предложен текст об отношении ученых к генетически модифицированным продуктам.

The Truth about Genetically Modified Food

Proponents of genetically modified crops say the technology is the only way to feed a warming, increasingly populous world. Critics say we tamper with nature at our peril. Who is right?

By David H. Freedman | Aug 20, 2013

Robert Goldberg sags into his desk chair and gestures at the air. “Frankenstein monsters, things crawling out of the lab,” he says. “This the most depressing thing I’ve ever dealt with.”

Goldberg, a plant molecular biologist at the University of California, Los Angeles, is not battling psychosis. He is expressing despair at the relentless need to confront what he sees as bogus fears over the health risks of genetically modified (GM) crops. Particularly frustrating to him, he says, is that this debate should have ended decades ago, when researchers produced a stream of exonerating evidence: “Today we’re facing the same objections we faced 40 years ago.”

Across campus, David Williams, a cellular biologist who specializes in vision, has the opposite complaint. “A lot of naive science has been involved in pushing this technology,” he says. “Thirty years ago we didn’t know that when

you throw any gene into a different genome, the genome reacts to it. But now anyone in this field knows the genome is not a static environment. Inserted genes can be transformed by several different means, and it can happen generations later.” The result, he insists, could very well be potentially toxic plants slipping through testing.

Williams concedes that he is among a tiny minority of biologists raising sharp questions about the safety of GM crops. But he says this is only because the field of plant molecular biology is protecting its interests. Funding, much of it from the companies that sell GM seeds, heavily favors researchers who are exploring ways to further the use of genetic modification in agriculture. He says that biologists who point out health or other risks associated with GM crops – who merely report or defend experimental findings that imply there may be risks – find themselves the focus of vicious attacks on their credibility.

So who is right: advocates of GM or critics? When we look carefully at the evidence for both sides and weigh the risks and benefits, we find a surprisingly clear path out of this dilemma.

Что же мы получили в переводе? Ни один (!) из 48 студентов, переведивших этот текст, не понял смысла высказывания про *Frankenstein monsters, things crawling out of the lab*. Кто-то знал, кто такой Франкенштейн. Кто-то не знал и этого, поэтому появились такие варианты¹:

«Франкенштейны ползут прямо из лаборатории...»;

«Страшные чудовища, напоминающие Франкенштейна, выползают из лабораторий...»;

«Монстры, Франкенштейн, выползающие чудовища...»;

«Все эти штуки родом из пробирки, все эти франкенштейноподобные детища науки...»;

«Монстры-Франкенштейны, это всё – те вещи, что выходят из-под контроля...»;

«...Монстры подобные Франкенштейну², существа, выползающие из лабораторий...»;

«Расплодили франкенштейнов, чудовищ, выползающих из лабораторий...»

И даже:

«Монстры из Франкенштейна, лезущие из лабораторий твари».

Но никто – даже те, кто явно знал, кто такой Франкенштейн, – не понял, что речь идет не о чудовищах типа того, что создал Франкенштейн, которых якобы выводят в лабораториях, а о том, что в результате употребления генетически модифицированных культур люди могут

¹ Однотипные примеры приводятся как доказательство того, что речь идет не о единичных случаях, что иллюстрируемые проблемы – увы! – типичны.

² Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация авторов, которые, однако, в силу своей очевидности, обсуждаться не будут.

мутировать и превратиться в «чудовища Франкенштейна». С этим связаны и понятие *Frankenfood*, и нарицательное значение самого имени *Frankenstein* – творение рук человеческих, приносящее гибель своему создателю. Все дискуссии по поводу ГМО явно прошли мимо наших студентов, хотя эти дискуссии продолжаются и сегодня. А раз нет базы, нет тех самых фоновых знаний, необходимых для понимания, то и начинают всевозможные чудовища (даже «чудовища в виде людей»!) ползать по лаборатории и выползать из нее. У особо творческих переводчиков картинка становится и вовсе страшной:

«Франкенштейновские монстры, неведомая жуть, темной ночью выползающая из лабораторий, ваши тайные страхи и кошмары...»

По-видимому, переводчик решил, что говорящий просто нагнетает ужасы, и оформил всю реплику с добавлениями в духе рассказов на ночь в пионерском лагере про то, как «в темной-темной комнате темной-темной ночью...»

Не поняли студенты и фразы насчет *things crawling out of the lab*. В тексте, конечно, присутствует слово *crops*, которое должно было бы напомнить, что речь может идти только о растениях, но никак не о животных. Но ведь напомнить можно только то, что уже известно. А если общей картины нет, если нет общего представления о проблеме, то важнее оказывается глагол *to crawl*, который прочно ассоциируется с ползущим существом. И вместо еще не прошедших проверки результатов экспериментов, потихоньку, незаконно выходящих за пределы лабораторий и расползающихся (т. е. распространяющихся) по миру, появляются выползающие из лаборатории твари.

В результате мутанты попали в один ряд с ползучими гадами, и стал непонятным сам смысл высказывания Роберта Голдберга. Его фраза *This the most depressing thing I've ever dealt with* в переводе перестает соотноситься с разговорами-страшилками по поводу ГМО и приобретает такой вид:

«Я никогда еще не сталкивался с такой гнетущей проблемой...»;

«...это самая неприятная вещь, с которой мне доводилось столкнуться...»;

«Это самые неприятные вещи, с которыми я сталкивался»;

«И этот факт тревожит меня больше всего»;

«Чудовища в облике человека, вещи выползают из лаборатории. Это самое тягостное, с чем я имел дело».

При этом получается, что Голдберг сам все это наблюдает, и все эти «вещи» (которые в одних переводах «появляются» в лабораториях, а в других из них «исчезают») становятся реально существующими «фактами». Практически никто не понял, что в отчаяние его приводят не мутанты, а разговоры о них. И в результате его позиция в переводах меняется на противоположную. Из сторонника ГМО, которого угнетает

необходимость противостоять всем этим надуманным страхам, он превращается в активного борца против ГМО:

«Он выражает отчаяние в постоянной необходимости противостоять равнодушию по поводу риска для здоровья, который вызывают генно модифицированные продукты.

Он выражает отчаяние по поводу неумолимо приближающейся необходимости оказывать сопротивление тому, что представляется ему ужасными последствиями для здоровья при потреблении генномодифицированной продукции».

У одного из переводчиков Голдберг даже оправдывается, отрицает свою причастность к этим исследованиям:

«Я не имею к ним никакого отношения».

На этом этапе (т. е. прямо в первом абзаце) разрушилась уже вся логика текста, который в оригинале имеет очень простую структуру: постановка проблемы – высказывание сторонника ГМО – высказывание противника ГМО – мнение автора статьи о том, что, взвесив аргументы обеих сторон, можно найти истину.

После того, как Роберт Голдберг превратился в борца с ГМО, становится совершенно непонятной роль Дэвида Уильямса:

«Однако, по другую сторону университета, ученый по клеточной биологии Дэвид Уильямс, отличающийся своей дальновидностью, выдвигает встречное обвинение».

О том, почему он «отличается дальновидностью», чуть позже. Почему он «ученый по...», уже было сказано: ни сочетаемости слов, ни управления многие студенты не знают, потому что мало читают. По той же причине не знают и слова «цитолог» (хотя в школьном учебнике по общей биологии есть даже отдельная глава «Цитология») и образуют название профессии от калькированного *cellular biology*. А вот какое «встречное обвинение» он выдвигает – это уже вопрос логики. Оставим в стороне неуместность в данном случае самого выражения «встречное обвинение» (Голдберг его ни в чем не обвинял, он вообще не выдвигал никаких обвинений): понятно, что переводчик имеет в виду противоположную точку зрения. Но чему она в таком переводе противоположна? Это еще менее понятно, если учесть то, как написавший это переводчик перевел абзац про Голдберга:

«Он выражает отчаяние по поводу неумолимой / непрерывной необходимости сопоставлять то, что он воспринимает как надуманные опасения с действительными угрозами здоровью от использования генномодифицированных продуктов».

Здесь есть все: и надуманные опасения, и действительные угрозы здоровью, и странный ученый, которого приводит в отчаяние необходимость что-то с чем-то сопоставлять. Но главное – остается

совершенно непонятным его отношение к ГМО. Чему же может быть противоположна точка зрения Уильямса?

Полное непонимание общего смысла того, что обсуждается в тексте, приводит к появлению таких переводов:

«Введенный ген можно модифицировать различными способами, и это, вероятно, будет осуществляться и в будущем»;

«Введенные гены могут изменяться с помощью ряда различных методов, которые можно осуществить только в следующем поколении»;

«Вживленные гены могут быть преобразованы несколькими способами, но это будет осуществимо только спустя несколько поколений»;

«Внедренные гены можно изменять различными способами, и возможно ученые научатся это делать только спустя несколько поколений».

Получается, что ученый говорит не о возможности опасного мутирования генов через несколько поколений, когда культуры уже благополучно пройдут все испытания и будут признаны безопасными, а о том, что ученые якобы пока еще не умеют вызвать эти мутации. Если в результате этих мутаций растения становятся токсичными, то зачем их вызывать? И в то же время те же переводчики высказывают опасения, что к появлению ядовитых растений могут привести сами испытания:

«Он уверен в том, что результатом таких тестов может стать появление ядовитых растений»;

«Он настаивает на том, что результатом очень вероятно могут стать токсичные растения, которые могут получиться во время исследования»;

«Он настаивает на том, что результатом преобразований могут стать потенциально токсичные растения, которые смогут ускользнуть от исследования».

Впрочем, нашелся один оптимист:

«В целом, Дэвид Уильямс уверяет, что в результате проведенных опытов, потенциально ядовитые растения теряют свою вредоносную способность».

Остается, правда, непонятным, откуда такой вариант вообще взялся. Но общая идея та же: на качество растений влияют испытания, опыты, тесты.

Проблемы с логикой продолжаются и дальше. И все они возникают по одной и той же причине: студенты не знают того, о чем идет речь в тексте. В результате появляются такие переводы:

«Тридцать лет назад мы не знали, что, если ты внедряешь ген в разные геномы, геном реагирует на это»;

«30 лет назад мы еще не знали, что при добавлении любого гена к отличному от него геному, последний вступает в реакцию с геном».

Как можно внедрить один ген в разные геномы? Как геном может быть отличным или не отличным от гена? Как геном может вступать в реакцию с геном? Ответ может быть только один: переводчик понятия не имеет о том, что он переводит. А ведь в школьной программе по биологии есть генетика. Но общекультурный уровень настолько низок, запас общих (не профессиональных, которые «про трансформации») знаний так мал, что молекулярная биология в некоторых переводах превращается в микробиологию. С одним из авторов такого «преобразования» наук удалось поговорить. Объяснение оказалось очень простым: от «молекулярной биологии» трудно образовать название профессии, а от «микробиологии» и образовывать не нужно – оно уже есть. А молекулы ведь очень маленькие, и микробиологи изучают что-то мелкое – «микро» же! В результате *a plant molecular biologist* превращается в микробиолога. Наверное, с точки зрения «способности к логически-правильному мышлению» здесь все в порядке. Так же, как нельзя отказать в логике переводчику, написавшему следующее:

«Будучи специалистом по молекулярной биологии растений в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, Голдберг не занимается психическими расстройствами».

Что тут можно возразить? Кроме одного: в оригинале ничего подобного нет. Вообще фраза насчет психоза оказалась многим студентам непонятной. Настолько, что в одном из переводов она выглядит так:

«Голдберг – не военный психолог, он работает в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе».

То, что студентам эта сфера жизни не знакома из собственного опыта, хорошо. Но что им незнакома вся англоязычная литература – художественная, в которой герои страдают всевозможными нервными расстройствами, и научно-популярная (скажем, статьи типа *Fighting a battle with psychosis*) – это опять-таки вопрос общего развития. Пренебрегая разницей между *psychosis* и *psychologist*, переводчик пишет о военном психологе. Даже в голову не приходит остановиться и подумать, **что** здесь по смыслу может делать этот военный психолог, а потом посмотреть, что такое *to battle psychosis*.

Показательны такие переводы:

«Уильямс допускает тот факт, что он является одним из немногих биологов, поднимающих вопросы о безопасности продуктов ГМО. Однако, по его словам, он делает это только потому, что область молекулярной биологии растений касается его сферы интересов»;

«Однако, он утверждает что это только потому что область растительной молекулярной биологии защищает его интересы».

Но Уильямс не занимается молекулярной биологией растений. Он цитолог. Более того – он занимается цитологией глаза. Как «область

молекулярной биологии растений» может касаться сферы его интересов? И уж тем более, как эта «область» может защищать его интересы?

Можно, конечно, говорить о невнимании к языковым формам – в тексте *its interests*. Но если бы переводчик понимал смысл того, что он пишет, то такая ошибка просто не могла бы возникнуть. А если переводчик не видит разницы между молекулярной биологией растений и цитологией, если он не понимает, которая из этих наук занимается выведением генетически модифицированных культур растений, если он не представляет себе, кто может быть заинтересован в развитии применения генной инженерии в сельском хозяйстве, то и разница между *its* и *his* несущественна, и *seeds* легко превращаются в «продукты». Какая разница? Ведь смысла-то все равно нет! В качестве доказательства можно привести такой вариант:

«Вильямс относит себя к той небольшой группе биологов, которые поднимают острый вопрос о безопасности ГМО, причем только потому, что сфера молекулярной биологии растений защищает их интересы».

В плане языковых форм здесь все в порядке: *its* грамматически вполне может относиться к *minority*. А по смыслу?

Именно отсутствие базовых представлений о науке, о мире вообще повинно в том, что Дэвид Уильямс превратился в специалиста по прогнозам:

«Дэвид Уильямс, специалист по клеточной биологии и прогнозист из этого же университета, утверждает обратное»;

«Дэвид Уильямс, отличающийся своей дальновидностью, выдвигает встречное обвинение»;

«Дэвид Уильямс, молекулярный биолог того же университета, обладающий проницательностью, имеет иной взгляд на происходящее»;

«Дэвид Вильямс, клеточный биолог, чьей специализацией является анализ, выступает с противоположным мнением».

Не смутило то, что он *specializes in vision*, – как может человек специализироваться в дальновидности, проницательности и анализе? Анализе чего? Не задумались над тем, что и как может прогнозировать цитолог. Если бы возникло хоть малейшее сомнение, ввели бы, наверное, слова *cellular biology* и *vision* в одну поисковую строку и сразу же получили бы целый список статей типа «The cell biology of vision», из которых стало бы ясно, что речь идет о глазах, а не о предсказательстве. Но поскольку общего представления о науках нет, открываем словарь и выбираем из него «проницательность» – ну, не «зрение» же! Зрением окулист занимается...

Предвижу возражение: человек не может знать всего. Ну, не входят проблемы ГМО в круг интересов наших студентов! Но в прошлом году в этот круг не входили методики проведения анализов крови, а в позапрошлом – Нобелевская премия. До этого, помнится, участников

конкурса не интересовало сочетание белого и красного вина с рыбой. Так что же входит в круг их интересов?

Как бы то ни было, ясно одно: у будущих переводчиков большие проблемы с выражением мысли на родном языке:

«...единственный путь “выкормить” потепление во все больше населяемом мире...»;

«...те биологи, кто обращают внимание на наше здоровье или другие риски...»;

«Уильямс допускает тот факт, что...»;

«...крайне не согласен с этой точкой зрения»;

«...угрозы со здоровьем...»;

«...исследователи провели прямую трансляцию с оправдывающими доказательствами...»;

«...нарекают на себя всяческие сомнения в своей компетентности»;

«... рискуют оказаться в ловушке злобных осуждений их собственных утверждений»;

«... что весьма сопутствует исследователям...»

Продолжить список не позволяет лишь заданный объем статьи.

Чем меньше человек читает, тем труднее ему понять написанное, сформулировать свою мысль или выразить в переводе чужую. Речевая деятельность переводчика – это прежде всего речемыслительная деятельность, которая напрямую зависит от кругозора человека и от его начитанности. Только большой объем прочитанного (и постоянно читаемого) дает то, что называется чувством языка, дает представление о многообразии языковых и речевых форм, об узусе, об уместности языковых форм в определенных коммуникативных ситуациях и контекстах. Вполне возможно, что авторы цитированных переводов обладают «способностью владеть основными методами защиты производственного персонала и населения от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий, проявлять психологическую устойчивость в сложных и экстремальных условиях (ПК-7)». Нет спору, способность нужная, хотя и не очень понятно, почему это одна из первейших **профессиональных** компетенций именно **переводчика**. Но получатся ли из них профессиональные переводчики, если мы и дальше будем мириться с нынешним положением дел? Агафья Лыкова – мужественная женщина. Она, наверное, не растеряется при стихийном бедствии и в экстремальных условиях. Но переводчиком она быть не может.

Библиографический список

1. *Балашова Е.С.* Причины и признаки когнитивного диссонанса в ситуации общения через переводчика // Сборник студенческих научных работ. Н. Новгород, 2015. Вып. 8. С. 13-28.